

ВЕЛИКИЕ ПРАВИТЕЛИ

Удивительнейшая фигура — царь Иван IV Васильевич, прозванный Грозным. Сохранение независимости страны, оформившейся при его царствовании как централизованное государство европейского типа; покорение врагов, веками терзавших набегами окраины России; присоединение огромных сибирских территорий; развитие торговли; дипломатические удачи — таким итогам правления впору позавидовать любому государю.

Один из самых образованных людей своего времени, эрудит с феноменальной памятью, любитель чтения, духовный писатель, всемерно развивавший книгопечатание, блистательный оратор... и вместе с тем — кровавый тиран, ввергший страну в смертельный вихрь тотального террора; полоумный изверг, своими руками убивший собственного сына и наслаждавшийся созерцанием изоциренных пыток; развратник, хваставшийся, что «растлил тысячи дев»...

Сколько еще таких качеств со знаком «минус»? И это — великий правитель?

Пусть идеальные государи — это всего лишь выдумки придворных историков. Пусть Иван Грозный — продукт своей эпохи, когда господин мог казнить и миловать подданных исключительно по своему капризу. Пусть и другие его современники — знаменитые европейские монархи — тысячами сжигали несчастных подданных, обвиненных в ереси или колдовстве, на центральных площадях городов.

Вот только оправдывает ли это Ивана IV Васильевича — первого царя «всея Руси»?

Однако прошлое не нуждается в оправданиях, по отношению к нему возможно только понимание. Прошлое надо знать таким, каким оно состоялось.

Чтобы помнить — и никогда не повторять...

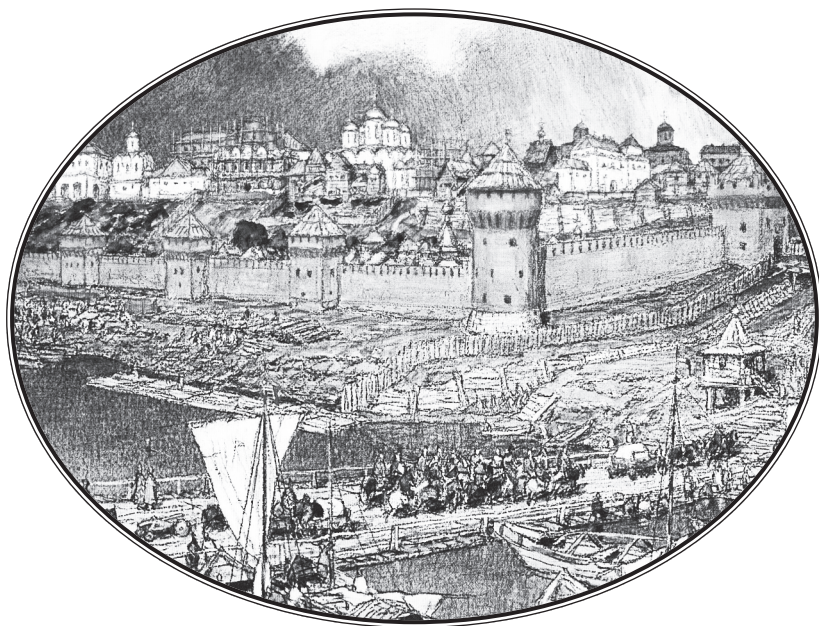
ИОАНН IV

(1530—1584)

Иоанн IV Грозный

**КАНОН
АНГЕЛУ
ГРОЗНОМУ**

ЭКМО

Москва 2013

Евгений Соловьев

ИОАНН ГРОЗНЫЙ.
ЕГО ЖИЗНЬ
И ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ГЛАВА I

Московская традиция. Детство и юность Иоанна Грозного

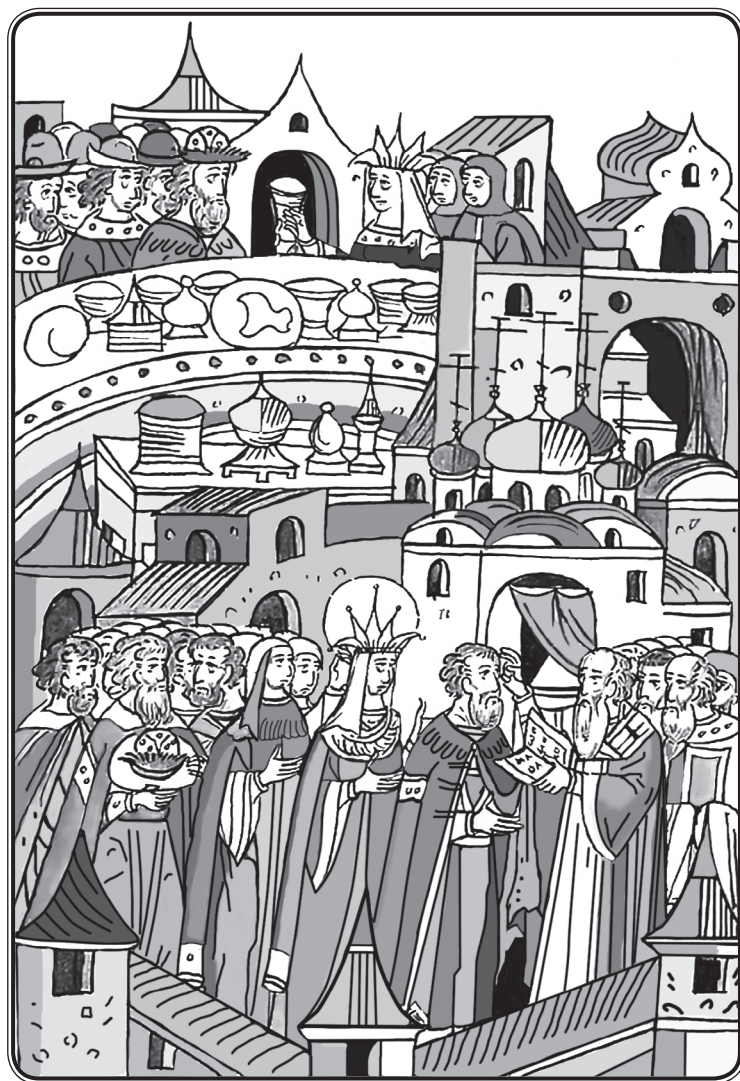

«Гений — оригинален. В оригинальности скрывается тайна его влияния, его успехов, его заслуг перед человечеством. Нет гения, который не развертывал бы нового знамени, нет гениальной деятельности, не указавшей новых путей. Оригинальность и традиция — вот две вечно борющиеся друг с другом силы, и различные перипетии этой борьбы составляют главнейшее содержание истории».

Я нарочно начал этой цитатой биографию Иоанна Грозного. Ожесточенные споры происходят еще о величии и ничтожестве Грозного как личности и как государя. «Предшественник Петра Великого, предвосхитивший планы преобразователя на целых сто пятьдесят лет» — таков Иоанн для одних. «Мелкая душа, подьяческий ум» — таков Иоанн для других. Где же истина? Привыкший к робким точкам зрения, читатель, наверное, подумает, что «истина в середине». Срединка — нечто спасительное, безопасное, вроде спокойной бухты, куда так приятно въехать после «бурного плаванья по волнам исторического исследования». Мне думается, однако, что срединная точка зрения мало приложима к характеристике Грозного. Как бы ни судили мы его, он, несомненно, яркая и резко очерченная личность, которую очень трудно усадить сразу на двух стульях. Но «яркость и резкость» еще не означают величия.

Чтобы быть великим, надо быть оригинальным. Был ли таким Грозный в своей государственной деятельности?

Разумеется, вся наша биография должна служить ответом на этот вопрос. Но есть возможность в самом начале подготовить его разрешение. Для этого прежде всего необходимо определить традиции Московского государства, а затем уже сам читатель легко увидит, как далеко отошел от них Грозный и что нового внес он в жизнь.

Венчание Василия III Иоанновича и Елены Глинской.
Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

Московская Русь сложилась и оформилась уже в княжение Ивана III. Сын его Василий мало прибавил к делу отца и, уничтожив вольность Пскова, он лишь завершил давно начатую и в главном законченную уже борьбу с вольностью вообще. Иван III и Василий — уже государи в полном значении этого слова, самодержцы. Эпоха их правления создала и как нельзя яснее сформулировала устои Московской Руси.

Нам надо посмотреть на эти устои. Первым важнейшим устоем является великокняжеская власть, гордая, абсолютная, не знавшая никаких стеснений и ограничений. Все иностранцы в один голос утверждают, что московские монархи превосходят своею властью всех правителей Европы, кроме только турецкого султана. Возросши под охраной и даже прямо под покровительством татарских ханов, великокняжеская власть сосредоточила постепенно в себе весь ореол, всю безмерность власти ханской. Сначала скромная, как бы

скрывающаяся, она уже при Иване III начинает окружать себя придворным блеском и этикетом. Это не мысль, это внешнее выражение процесса развития абсолютизма. Появляется обычай «целования княжеской руки», учреждаются придворные должности, до той поры неизвестные. Великий князь — центр, глава и представитель всего государства, а не только своего удела, как раньше. Он действует за всю Русь, отвечает за ее счастье и несчастье, ведет народную жизнь по тому пути, который кажется ему наилучшим. Удельные князья закончили свое самостоятельное существование уже при Иване III. Та же участь постигла и Великий Новгород с его вечем и духом народовластной старины. При Василии отвезли в Москву вечевого колокол Пскова.

Во что обратилась дружина? Собственно говоря, в Московском государстве никакой выдающейся роли она не играла. Иван Калита и его потомки не были воителями, не любили войн и походов, храбростью и мужеством не отличались и держали себя скромно и тихо, как князья-помещики, князья-хозяева. Войнам они предпочитали дипломатические переговоры, покупку, иногда предательства. Их заботой было сосредоточить в своих руках как можно больше земель и денег.

Дружина возле них неминуемо должна была утратить свой воинственный характер, так как условия жизни не благоприятствовали развитию доблести и мужества. Но дружина, особенно старшая — боярство, не только воевала, раньше она играла еще роль княжеского советника. Эту роль она играла и в Москве. Но уже в XV веке князья значительно сузили ее. Иван III больше советовался со своей женой и дьяками, чем с боярами; сын его выказывал к советам бояр обидное пренебрежение. При нем дела решались в стороне от думы.

Все приведенные факты приобретут в наших глазах особенную ценность, если мы припомним, как медленно и постепенно входили они в жизнь. Принципы дома Калиты не поражают нас ни глубиной, ни широтой своего размаха, а скорее даже узостью. Но в конце концов они восторжествовали над всеми остальными. Случайности истории много виноваты в этом, но еще больше виновата та настойчивость и упорство, с какой князья пользовались всяким удобным случаем, чтобы расширить свою власть и пределы.

Иван Калита.

1283 — 1340

Фреска Грановитой палаты
Московского Кремля

Традиция крепла, а в XV веке торжествовала уже. Иван Калита, его личность и политика — прототип московских князей вплоть до самого Грозного. Ничего великого, выдающегося, ничего блестящего. Природа поскупилась на краски, создавая этого князя-хозяина и князя-помещика, скупого, медленного, хитрого, неуклонно стремящегося к поставленной цели. О невозможном он не мечтал, как не мечтал о геройских подвигах и славе. Каждая копейка у него на счету. Что приобретено им, приобретено навеки. Как настоящий практик, человек маленькой действительности, он пользуется всякой ошибкой ближнего, идет на унижения, когда это нужно, неумолим и непреклонен, раз сила на его стороне. Его борьба с тверским князем не только не говорит нам о благородстве его души, а прямо наоборот. Зато дипломатической тонкости сколько угодно. Бедный Александр и не заметил, как ловко расставили вокруг него сети и как неожиданно и безысходно попался он в них.

Рождение Ивана Грозного.

Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

Все московские Иваны и Василии похожи на своего предка. В общем и Грозный похож на него, но греческая и латинская кровь, текшая в его жилах, наградила его более горячим и страстным воображением.

Московская традиция носит на себе ясный отпечаток характера московских князей. «Поместье» Калиты разрослось и стало государством, но во главе государства встали те же расчетливые, скопидомные хозяева, которые раньше заправляли поместьем. Не станет же хозяин терпеть, чтобы кто-нибудь вмешивался в его распоряжения. Не станет терпеть этого и государь Московский. Когда нужно, он пользуется и боярским советом, и симпатиями духовенства, но только когда это нужно. Вообще же он предпочитает действовать совершенно самостоятельно.

Полнота самостоятельности возможна лишь при всеобщем нивелировании, уравниении. К этому и сводится московская традиция.

Абсолютная власть при своем возникновении прежде всего должна была встретить противодействие со стороны местных элементов — удельных князей, веча, дружин. В каждом монастыре был свой устав, освященный веками. Новый устав, вводившийся московскими князьями, далеко не всегда согласовывался с прежними. Припомним хотя бы борьбу с Новгородом.

Московские князья, распространяя на всю Россию принципы, которыми управлялось их маленькое поместье, по необходимости нивелировали. Они старательно уничтожали все местные уставы, все местные особенности. Для этого они пользовались, между прочим, одним характерным приемом — переселением. Оттуда, где местный дух был особенно силен и упорен, они выводили десятки и сотни семейств в Москву, а москвичей перемещали на новые места. Москвичи — люди, уже привыкшие к дисциплине, опасаться их нечего, а переселенцы, находясь под постоянным хозяйским глазом, одинаково не позволят себе чего-нибудь лишнего.

Таким медленным и верным путем были уничтожены все местные уставы. Вече исчезло, дружина обратилась в придворных слуг, во всем зависевших от личного распоряжения князя. Сам князь и его власть поднялись на недостижимую высоту, и величие этой власти бросалось в глаза каждому, ибо вокруг было ровное поле.

Иван III уже настойчиво выдвигает на сцену мизинных людей. Василий III прямо предпочитает их боярам. Что же, они были демократами? По-моему, несколько. Мизинные люди, во всем ему обязанные, во всем от него зависевшие, без воспоминаний о прошлом, всего лучше поддавались дисциплине. Каких бы то ни было протестов и претензий ждать от них было нечего. Стремясь к абсолютизму и сразу постигнув, что он может восторжествовать лишь при отсутствии больших и малых, слабых и сильных, московские князья ни одному сословию не давали подняться выше другого. Они боролись против всякой вольности — боярской, вольности духовенства, одной властью своей заменяли всякую власть, единым законом — разнообразие местных обычаев.

На ровном поле Руси высоко поднимался великокняжеский дворец уже задолго до Иоанна IV.

Незаметно для самого Грозного московская традиция руководила им. Но эта традиция, преломившись через призму его больного мозга, приняла

и болезненную форму. Молчаливая и покорная стояла дружина у трона его отца и деда, но Грозный продолжал преследовать ее с необузданной жестокостью. Давно уже пал Великий Новгород. Грозный захотел стереть его с лица земли.

Он добился своего. Всю жизнь, все свои силы потратил он на то, чтобы доставить полное торжество московской традиции. Где же новые мехи, новое вино? Их нет. Тени прежних московских князей носятся над эпохой Грозного, вдохновляют его, указывают путь, по которому он идет слепо, не спрашивая даже себя, да нужно ли с таким ожесточением ломиться в давно уже открытую дверь?

«Боярство — мой враг» — это его излюбленная фраза. Но с одинаковым ожесточением набрасывается он и на народ, и на духовенство, когда замечает или когда ему кажется, что он замечает в них попытку приподнять свою голову с ровного поля, давно уже усеянного мертвыми костями прежних вольностей.

«Всякая вольность — враг мой... Боярство — мой враг по преимуществу» — это специальное добавление Грозного, сделанное им по воспоминаниям детства.

Это детство общеизвестно, и я не имею ни малейшего желания подробно останавливаться на нем.

Грозному было несколько месяцев, когда умер его отец, и с небольшим три года, когда умерла или была отравлена его мать — Елена Глинская, супруга Василия III. Ребенок остался без надзора и руководства. Все делалось

**Клавдий Лебедев. Василий III, великий князь Московский,
вводит во дворец невесту свою, Елену Глинскую.
1915 г.**

его именем, все могло делаться его именем. Это было соблазнительно для честолюбцев. И честолюбие открытое, наглое, безудержное разыгралось вокруг трона, по блеску и обаянию власти своей равного лишь трону восточных деспотов.

После переворота, низвергнувшего Елену и ее любимца Телепнева, власть перешла в руки Василия Шуйского. Ослепленный гордостью, он хотел утвердить себя на высшей ступени свойством с государем и, будучи вдовцом лет 50-ти, женился на сестре Иоанновой, Анастасии, дочери Петра, казанского царевича. Иван Бельский попробовал свергнуть его, но неудачно, и от тирании Шуйского спасла Россию лишь смерть его. Его место занял тоже Шуйский, но Иван, про которого сам Грозный пишет впоследствии Курбскому: «От юности единое воспомяну: нам бо в юности детства играюще, а князь Ив. Вас. Шуйский сидит на лаве, локтем опершись отца нашего о постелю, ногу положив к нам... И таковой гордыни кто может понести?... А казну деда и отца нашего бесчисленную себе поимаша, и в той нашей казне исковаша себе сосуди златы и серебряны, и имена на них родителей своих подписаша; а всем людем ведомо, при матери нашей у князя Ив. Шуйского шуба была мухояр* зелен на куницах, да и те ветхи: коли бы то их было старина, ино лучше бы шуба переменит».

Иван Шуйский был груб, спесив, деспотичен. Корыстолюбие его несомненно, с государственной и царской казной он не стеснялся, еще меньше стеснялись его клеветы. Так, боярин А. М. Шуйский и князь Оболенский, будучи наместниками в Пскове, свирепствовали как львы, по выражению современников; не только угнетали земледельцев и граждан незаконными налогами, вымышляли преступления, ободряли правых доносителей, но и грабили самые монастыри. Жители пригородов не смели ездить в Псков; многие бежали в чужие земли.

Партия Шуйских была свергнута партией Бельских ненадолго, однако до следующего заговора. А он себя ждать не заставил. Иван Шуйский опять захватил власть в свои руки.

Такова фактическая сторона дела вплоть до 1543 года, когда Грозному исполнилось уже 13 лет.

Что делал Грозный все это время? Быть может, история и осветит когда-нибудь юношеские годы его царствования, нам же остается лишь догадываться, опираясь на немногие, к счастью, несомненные факты.

Грозный рано стал пристально всматриваться в окружающее и понимать его. Многие факты этих детских лет навеки запали в его душу, и ничто не могло искоренить их оттуда. Через 20 лет он вспоминает наглость Шуйского, развалившегося на кровати отца. Очевидно, эта наглость глубоко обидела его. Не было недостатка и в окружающих, которые постоянно нашептывали Иоанну про величие власти его, про ее унижение. Эти нашептывания падали на подготовленную почву. Наследственное властолюбие проявлялось уже и в ребенке; его быстрый, деятельный ум прекрасно подмечал те противоречия, которыми так богато его детство. Все делается его именем, все выказывают полную покорность

* Мухояр — бухарская пестрая ткань из смеси льна, шерсти, реже хлопка, окрашивавшихся в пряже. (Примеч. ред.).

Они льстили его тщеславию. Он задумал устроить то же самое и у себя в Москве. Мало того, проникнутый мыслью о собственном величии, причем его пылкое воображение рисовало ему полученную им власть самыми неумеренными красками, он в громком титуле царя искал внешнего выражения своих претензий. Как бы то ни было, 17 декабря 1546 года было приказано собраться двору. Митрополит, бояре, все знатные сановники окружали Иоанна, который, помолчав, сказал: «Уповаю на милость Божию и на святых заступников земли Русской, имею намерение жениться: ты, отче (митрополит), благослови меня. Первою моею мыслью было искать невесты в иных царствах, но, рассудив основательнее, отлагаю сию мысль. Во младенчестве лишенный родителей

Константин Маковский. Боярин с кубком.
1915 г.

и воспитанный в сиротстве, могу не сойтись нравом с иноземкою. Будет ли тогда супружество счастьем? Желая найти невесту в России, по воле Божией и по твоему благословию».

Митрополит с умилением ответствовал: «Сам Бог внушил тебе намерение, столь вождевленное для твоих подданных! Благословляю оное именем Отца Небесного». Бояре плакали от радости, как говорит летописец, и с новым восторгом прославили мудрость Державного, когда Иоанн объявил им другое намерение: «Еще до своей женитьбы исполнить древний обряд предков его и венчаться на царство».

16 января нового года с особой торжественностью совершилось царское венчание, а через месяц Иоанн женился на Анастасии.

Пословица русская утверждает: «женится — переменится». С Иоанном этого, однако, не случилось. Казалось, все должно бы настраивать его на добродушный лад: и внешние успехи, и привязанность к молодой красавице-жене, и только что совершившееся пышное венчание, по поводу которого так много и искренно ликовал народ. Но обычная психология тут неприложима. Женатый царь вел прежний холостой образ жизни. Предоставив правление Глинским, он лишь изредка вмешивался в государственные дела, предпочитая им охоту, игры, поездки по монастырям и свои буйные забавы. Глинские делали что хотели, а Иоанн только любил показывать себя царем почти исключительно в наказаниях и необузданности прихотей. Он играл милостями и опалами, своевольствовал, чтобы доказать свою независимость. Доступ к нему был труден, почти невозможен. Он не желал выслушивать жалоб, гневался и приходил в дикую ярость, когда его отрывали от развлечений, пытал и казнил тех, кто осмеливался говорить ему правду. Наместники и воеводы, клеветы Глинских, грабили и разоряли вверенные им в управление области. Негде было найти суда и правды, а «державный» в это время забавлялся во дворце с шутами и скоморохами и слушал, как льстецы восхваляют его мудрость.

Замечу мимоходом, как напрасно и неосновательно преувеличивают историки влияние на Грозного царицы Анастасии. Ведь она была возле него и до появления Сильвестра и Адашева, однако даже в медовый месяц не могла удержать мужа хотя бы от разврата.

Будущее не предвещало ничего хорошего, если бы не некоторые неожиданные обстоятельства, совершенно изменившие ход событий.

Иоанн IV Грозный

ГИМНОГРАФИЧЕСКОЕ
ТВОРЧЕСТВО

**КАНОН¹ АНГЕЛУ ГРОЗНОМУ,
ВОЕВОДЕ И ХРАНИТЕЛЮ ВСЕХ ЛЮДЕЙ,
ПОСЛАННОМУ ОТ ВСЕДЕРЖИТЕЛЯ БОГА
ПО ВСЕ ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ**

Ты же, человек, не забывай часа смертного: пой каждый день канон этот — творение Парфения Уродивого*².

После утреннего пения читай: «Молитвами святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, Сын Божий, помилуй нас. Аминь», «Царю Небесный»³, «Трисвятое»⁴ и после «Отче наш» — «Господи, помилуй» двенадцать раз, «Слава»⁵, «И ныне»⁶, «Придите, поклонимся»⁷ трижды, потом псалом 50-й «Помилуй меня, Боже», потом канон шестого гласа⁸.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Ирмос⁹. «Как посуху»¹⁰.

Запев. «Святой ангел, грозный воевода, моли Бога о нас».

Прежде страшного и грозного твоего, ангел, пришествия умоли о мне грешном, о рабе твоём, имярек.

Возвести мне конец мой, да покаюсь дел своих злых, да отрину от себя бремя греховное. Далече мне с тобой путешествовать, страшный и грозный ангел, не устраши меня, маломощного. Приди ко мне, ангел, с миром и милостью, и тебе я очень возрадуюсь. Напой меня, ангел, чашею спасения!

Слава. Ангел святой! Напой меня, ангел, чашею спасения, и с радостью поспеши вслед тебе и молюсь: не оставь меня в сиротстве.

И ныне. Родившая царя вышним силам, Пресвятая Царица! Ты милостива, ты можешь облегчить бремя мое греховное, тяжкое.

* Парфений Уроливый — псевдоним Ивана Грозного.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Ирмос. «Никто не свят, как ты, Господи Боже»¹¹.

Запев. Святой ангел Христов, грозный воевода, помилуй меня, грешного раба своего, имярек. Когда наступит пора прихода твоего, ангел святой, за мной, грешным, имярек, и разлучить душу мою от тела убогого, — войди с кротостью, да с радостью встречу тебя честно.

Молю тебя, ангел святой, яви мне лик свой светлый и посмотри весело на меня, окаянного, да не устрасит меня приход твой святой, да приготворюсь к встрече с тобой достойно.

Слава. Ангел святой, посланник Божий! Дай мне, ангел, время покаяться в согрешениях и отринуть от себя бремя тяжкое, далеко мне идти вослед тебе.

И ныне. Ангел святой! Нет другого у меня заступника скорого. Помилуй грешного раба своего, имярек, и приведи душу мою ко Владычице, милостиво отпускающей согрешения грешным.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ирмос. «Христос — моя сила»¹².

Запев. Молю тебя, страшный и грозный посланник вышнего Царя, воевода, весело посмотри на меня, окаянного, да не ужаснусь вида твоего и весело с тобою в путь пойду.

Плачу и вопию, воевода Царя Небесного: страшно восхождение твое! Да не тотчас предашь меня, грешного, тлению, но весело и тихо напоишь меня чашею смертною.

Слава. От сердца взываю к тебе, грозный воевода и воин Царя царствующим: нет никого сильнее и крепче тебя в битве и милосердного в смерти, и справедливого в исправлении. Направь душу мою на путь вечный.

И ныне. Госпожа Богородица, Дева, родившая Царя Небесного! Смертоносного часа не минул я, спаси душу раба своего, имярек, от сети ловящих.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Ирмос. «Божиим»¹³.

Запев. О, сородичи мои! Как увидите, что разлучился я с вами, и образ лица моего изменился, и гробу предаюсь, и когда к Судии влеком буду, — молитесь обо мне святому ангелу, да отведет душу мою в место покойное.

О, друзья мои любезные! Как увидите, что разлучился я с вами и земле предаюсь, помолитесь обо мне, грешном, ангелу святому, да проводит душу мою сквозь все двадцать мытарств и да спасет ото всех погибелей.

Слава. Люди Божии, благочестные и все племена земные! Как увидите мертвое тело, на землю поверженное и вонью объятые, помолитесь обо мне ангелу смертоносному, да отведет душу мою в пристанище тихое.

И ныне. Пресвятая Дева Богородица, Владычица! Ты знаешь слабость человека земных: скоро разрушается естество плоти нашей, ты, Госпожа, будь нам заступницей.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Ирмос. «Житейского»¹⁴.

Запев. От Богом посланного страшного воина царям, князьям, и архиереям, и всем людям великое избавление даруется от суетной этой жизни, всем напастям подвергающимся и в муках подвиги совершающим — всем верующим истинно.

Слава. Святой Ангел! От всех нас, на земле живущих, ты дань свою примешь, как велено тебе Богом; когда придешь и примешь душу мою, отнеси ее в хранилище света.

Ангел святой, посланник грозный! Избавь и меня от жизни суетной этой.

Гюстав Доре. Иисус учит народ.

(Евангелие от Луки 12: 23, 31)

1886 г.

И ныне. О, Царица Владычица, сиротам кормилица и обижаемым помощница, больным надежда и всем грешным очищение! И мне, грешному, имярек, будь помощница и помилуй меня.

Кондак¹⁵ глас пятый¹⁶

Небесного Царя воевода, пред престолом стоящий Божиим, волю творящий Господню и заповеди его совершающий! Ты не лишишься славы великолепной и прославишься, ты быстро пленяешь, не медля никогда, всюду готов стоять, и храбрость выказываешь, и зла не боишься, ни старого не отринешь, ни от молодого не отступишь, всех примешь и отведешь в место покойное. И меня помилуй, грешного и окаянного, имярек, да поем тебе «аллилуйя».

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Ирмос. «Дающая прохладу»¹⁷.

Запев. Мастер мудрый, великий! Никто не может мудрости постичь твоей, дабы скрыться от беспощадности твоей. Святой Ангел, помилуй меня, грешного и окаянного.

Ангел мудрый и светлый! Просвети мою мрачную душу светлым своим пришествием, да во свете пойду во след тебе.

Слава. Святой Ангел! Радуюсь душою, и руки дрожат мои, людям показывая время разлучения души моей грешной с убогим телом моим. Ангел святой, помолись обо мне грешном.

И ныне. Пресвятая Богородица, Владычица! Помилуй грешного в час разлучения. Ангел святой, посланник страшный, избави душу мою от сети ловящих.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Ирмос. «Из пламени»¹⁸.

Запев. Царю Небесному слава нетленная и непреходящая, сотворившему чины ангельские, такого страшного и грозного ангела смертоносного. Хвалите, воспевайте и превозносите его вовеки.

Царя Небесного слуга, стоящий у престола Божия, ангел святой, смерть приносящий нам! Измени нас добротой природы твоей и приведи нас к свету светлейшему Судии. Хвалите, воспевайте и превозносите его вовеки.

Слава. Царю Небесному, Богу нашему угождаешь, славы не лишаешься и заповеди его не престоупаешь, и волю его творишь, и в любви пребываешь. Тебя, ангела святого, хвалим, воспеваем и превозносим его вовеки.

И ныне. Царица, Владычица, родившая и вышним силам, и земным Бога и Господа, Спасителя от приходящих к нам бед! Молись Богу, да помилует нас в день судный. Господа воспевайте и превозносите его вовеки.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Ирмос. «Бога человекам»¹⁹.

Запев. Осквернив душу злыми похотями и теплыми слезами не омыв, и милостыней не очистив, страшного посланника не поминая, мы же тебя, ангел, по достоинству величаем.

Бога нам поведаешь, ангел святой, и душу мою окаянную из тела вынешь, и плоть тлению предашь и гробу предаешь. Молим тебя, ангел святой, избави душу мою от сети ловащих. Тебя величаем.

Слава. От Бога посланный, всех ангелов ты страшнее, ангел святой! Не устраши душу мою убогую, исполненную злосрадия, и очисти и поставь перед престолом Божиим непорочную. Тебя величаем.

И ныне. О, Богоматерь Пречистая, всех ты спасаешь и милуешь, также помилуй и меня, грешного и злосрадного, в час разлучения. И когда буду на муку посылаем, тотчас мне помоги, от огня спаси меня и от муки избавь меня. Тебя величаем.

Потом «Достойно есть»²⁰, «Трисвятое», после «Отче наш» и тропарь²¹ глас пятый.

От небесных сил избранного воеводу, от Бога посланного мудрого воина и грозного ратника и победителя вражьих сил, святого ангела, воспевая, хвалим. Он в смерти за нами надзирает и от суеты мира избавляет, и на суд праведный к Христу представляет, и от вечных мук избавляет.

Дионисий. Смоленская икона Божией Матери
1482 г.

Слава. И ныне. Упование наше, Богородица, надежная помощница скорбящим! Ты и от смерти спасаешь, и от мук избавляешь, каждому по заслуге благодать даешь.

Отпуст²². «Честнейшую херувим»²³, «Слава», «И ныне», «Господи, помилуй» дважды, «Господи, благослови».

Конец всем благим. Слава создателю Богу. Аминь.

КОММЕНТАРИИ

1. Канон — церковная поэма-гимн, состоящая из девяти песен. Каждая песнь состоит из начальной строфы, называемой ирмосом (греч. *εἰρμός* — связь, сплетение, ряд), и строф-тропарей. В большинстве канонов вторая песнь отсутствует (она присутствует только в канонах Постной Триоди, поскольку ее положено стихословить только во время Великого Поста).

2. Подпись «Творение Парфения Уродивого» имеют два произведения. Первое — «Послание к неизвестному против люторов», опубликованное в 1886 г. архимандритом Леонидом (Кавелиным) в «Памятниках древней письменности и искусства» по рукописи № 423 библиотеки Уварова. Второе — «Канон Ангелу Грозному, воеводе и хранителю всех людей, посланному от вседержителя Бога по все души человеческие». Впервые предположение о том, что это псевдоним, принадлежащий царю Ивану Грозному высказал в 1911 г. И. А. Шляпкин. Изучая текст «Послания к неизвестному против люторов», он установил его схожесть с «Ответом царя Иоанна Васильевича Грозного Яну Роките», написанному в 1570 г.

Рассматривая вопрос о причинах, побудивших Иоанна IV писать под псевдонимом, Д. С. Лихачев отмечает отличия «Послания к неизвестному против люторов» от «Ответа Яну Роките». В последнем содержится обвинение последователей Лютера в допущении многоженства. В «Послании...» эта часть отсутствует. Учитывая то, что в 1572 г. Иоанн IV получил разрешение Церкви на четвертый брак, Д. С. Лихачев полагает, что «Послание...» было создано не ранее этого времени и испытало на себе влияние указанных обстоятельств. «Как известно, Грозный считал нужным распространять свои сочинения «во все его Российское царство». Поэтому «Ответ царя Яну Роките» Грозный также стал распространять, но убрал всю ту часть, где он выступал против многоженства, а сам себя насмешливо называл «Парфением», т. е. девственником [παρφένιος — девственник (греч.)].

3. «Царю Небесный» — сокращенное название молитвы Святому Духу. Полный текст молитвы: «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша»

[«Царь Небесный, Утешитель (Советник, Наставник), Дух истины, вездесущий (находящийся) и все наполняющий (присутствием Своим), Сокровище благ и Податель жизни, прииди и поселись в нас, очисти нас от всякого греха и спаси, Преплагий, души наши»].

4. «Трисвятое» — краткое название молитвы «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас», всегда произносимой трижды, с крестным знаменем и поясным поклоном.

5. Песнь «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу».

6. «И ныне» — краткое название молитвы: «И ныне и присно и во веки веков».

7. «Придите, поклонимся» — краткое название молитвы: «Приидите, поклонимся Цареве нашему Богу. Приидите, поклонимся и припадем Христу, Цареве нашему Богу. Приидите, поклонимся и припадем Самому Христу, Цареве и Богу нашему» [«Придите, поклонимся Царю нашему, Богу. Придите, поклонимся и припадем ко Христу, Царю, нашему Богу. Придите, поклонимся и припадем к Самому Христу, Царю и Богу нашему»].

8. Гласы — музыкальные лады, на которых основаны церковные песнопения. Всего насчитывается 8 гласов: 4 главных (прямых, или автентичных, высоких) и 4 побочных (косвенных, или плагальных, низких). Шестой глас — глас Покаяния (плагальный). Болгарский распев. Одноголосно исполняется в фа-мажоре.

9. Ирмос, располагаясь в начале каждой песни канона, отсылает к ветхозаветным прообразам и служит образцом (по содержанию, стихотворной форме, ритму) для тропарей данной песни. В основу ирмосов положены песни Святого Писания.

10. Первый ирмос — благодарственная песнь пророка Моисея после перехода евреев через море. Под царством фараона подразумевается царство дьявола и греха, под Израилем — христиане, которых Господь своим воскресением перевёл от смерти к жизни (Исх. 14, 21—15, 21). Полный текст ирмоса:

«Яко по суху пешествовав Израиль,
по бездне стопами,
гонителя фараона
видя потопляема,
Богу победную песнь
поим, вопияше»
[«Как по суше прошел Израиль
по бездне стопами,
и зывал, гонителя фараона видя утопавшим:
«Богу победную песнь воспоем!»].

11. Третий ирмос — благодарственная песнь-молитва святой Анны, матери пророка Самуила, давшей обет отдать Господу сына своего, если у неё будет ребенок. (1 Цар. 2; 1—10). Символизирует нашу благодарность Господу, ибо без него мы бесплодны, как бесплодна была святая Анна. Полный текст ирмоса:

Икона Благоверного и Христолюбивого Царя Иоанна Грозного

«Несть свят,
якоже Ты, Господи Боже мой,
вознесый рог верных Твоих, Блаже,
и утвердивый нас на камени
исповедания Твоего».

[«Нет святого,
как Ты, Господи Боже мой,
возвысивший достоинство верных Тебе, Благой,
и утвердивший нас на камне
исповедания Твоего»].

12. Четвертый ирмос — пророческая песнь-молитва пророка Аввакума (Авв. 3;1—19). Полный текст ирмоса:

«Христос — моя сила,

Бог и Господь, честная Церковь
боголепно поет, взываючи
от смысла чиста, о Господе празднующи».

[«Христос — моя сила,
Бог и Господь, досточтимая Церковь
достойно Бога поет, взывая
в чистоте разума и торжествуя в Господе»].

13. Пятый ирмос — молитва пророка Исаяи (Ис. 26, 9—19), провидевшего пришествие Спасителя и всеобщее воскресение. Полный текст ирмоса:

«Божиим светом Твоим, Блаже, утренюющих
Ти души любовью озари, молюся,
Тя ведети, Слове Божий, истиннаго Бога,
от мрака греховнаго взывающа».
[«Божиим светом Твоим, Благой, души с утра взыскающих
Тебя любовью озари, молюсь
Тебе, да Тебя ведаем, Слове Божий, истинного Бога,
от мрака греховного взывая»].

14. Шестой ирмос — молитва пророка Ионы из чрева кита (Иона 2; 2—10). Чрево кита — образ преисподней. Стих символизирует благодарность Господу за то, что Он спас нас, погрязших в грехах. Полный текст ирмоса:

«Житейское море,
воздвигаемое зря напастей бурюю,
к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти:
возведи от тли живот мой,
Многомилостиве».
[«Житейское море видя,
поднимающееся волнами искушений,
я, к тихой пристани Твоей прибегнув, взываю Тебе:
«Возведи от гибели жизнь мою, Многомилостивый!»»].

15. Кондак (греч. *кόντάκιον* от *κοντός* — палочка, на которую наматывался свиток пергамента) — песнопение в одну-две строфы, раскрывающее сущность параллельно тропарю. В каноне помещается после шестой песни.

16. Пятый глас — (плагальный) — глас Поклонения. Киевский распев. Одногласно исполняется в фа-мажоре.

17. Седьмой ирмос — прославляет Бога, чудесно сохранившего Марию от опаления огнём Божественной природы Её Сына так же, как прежде сохранил трёх юношей, ввергнутых в раскалённую печь за отказ поклониться идолу (Дан. 3; 19, 26—88). Полный текст ирмоса:

«Чуда преестественнаго
росодательная изобрази пещь образ:
не бо яже прият палит юныя,
яко ниже огонь Божества
Девы, в нюже вниде, утробу.
Тем воспевающе воспоем:
да благословит тварь вся Господа,

и превозносит во вся веки».
[«Дающая прохладу (вавилонская) печь
прообразовала сверхъестественное чудо:
как она не сожгла брошенных в неё юношей,
так и огонь Божества
не обжёг утробу Девы, сойдя в неё.
Поэтому прославляя (Бога), воспоем:
«Да благословит и превозносит Господа
все (Его) творение во все времена!»»].

18. Восьмой ирмос вновь обращается к образам гимна трёх подростков, своей верой обративших жар пламени раскалённой печи в прохладу росы (Дан. 3, 57—90). Печь — символ прошедшей грешной жизни. Полный текст ирмоса:

«Из пламене преподобным росу источил еси
и праведнаго жертву водою попалил еси:
вся бо твориши, Христе, токмо еже хотети.
Тя превозносим во вся веки».
[«Из пламени Ты для благочестивых росу источил
и жертву праведника водою попалил:
ибо Ты все совершаешь, Христе, одним Своим хотением.
Тебя мы превозносим во все века»].

19. Девятый ирмос канона величает Святую Деву Марию. Полный текст ирмоса:

«Бога человеком невозможно видети,
на Негоже не смеют чини Ангельстии взирати;
Тобою же, Всечистая, явися человеком Слово Воплощено,
Его же величающе, с небесными вои Тя ублажаем».
[«Бога человекам невозможно увидеть,
на него не смеют полки Ангелов взглянуть;
но чрез Тебя, Всечистая, явилась человекам Слово воплощенное.
Его величая, с небесными воинствами Тебя восхваляем»].

20. Полный текст:

«Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу,
присноблаженную и пренепорочную и Матерь Бога нашего.
Честнейшую херувим
и славнейшую без сравнения серафим,
без исления Бога Слова рождшую,
сущую Богородицу Тя величаем».
[«Поистине достойно прославлять Тебя, Богородицу,
всегда блаженную и вполне непорочную и Мать Бога нашего.
Ты достойна почитания больше херувимов
и по славе Своей несравненно выше серафимов,
Ты без болезней родила Бога Слова (Сына Божия),
и как истинную Богородицу мы Тебя прославляем»].

21. Тропарь (от греч. τροπάριον — тон, лад, мелодия) — краткое песнопение, в котором раскрывается сущность церковного праздника или прославляется

святой. Этим же термином называют отдельные, содержащие законченную мысль, молитвенные воззвания, из которых состоит канон.

22. Отпуст — благословение, которое произносит священник по окончании службы при отпуске молящихся из храма.

23. «Честнейшую херувим» — слова стиха в честь Богородицы «Достойно есть».

